

И.А. Николаев

д.э.н., главный научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)

КОНЦЕПЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЛОЖНОСТИ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВЫБОРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МАСШТАБНЫХ ВНЕШНИХ ОГРАНИЧЕНИЙ^{1,2}

Аннотация. В России в настоящее время отсутствует утверждённая социально-экономическая стратегия. Разрабатывать данную стратегию придётся. Актуален вопрос о том, что могло бы стать теоретической основой для её разработки. В качестве теоретического базиса стратегии социально-экономического развития страны в статье предлагается использовать концепцию экономической сложности (economic complexity). В последние десятилетия эта теория стала по-настоящему популярной в исследовательской среде во всем мире. Однако многогранность соответствующих работ по-прежнему не отражает в полной мере тот факт, что, даже увязывая динамику сложности экономики с перспективами экономического роста, учёные недостаточно пытаются проецировать это на проблему разработки экономических стратегий.

Оценка того, что происходит со сложностью экономики, какие в ней наблюдаются процессы и какие есть перспективы, позволяет более обоснованно формулировать стратегию социально-экономического развития. Если национальная экономика усложняется, что находится в тренде развития современной экономики, то у такой экономики есть шансы на динамичное экономическое развитие. Если же, напротив, усложнение экономики замедляется, останавливается, а то и вовсе идёт вспять, рассчитывать на быстрое развитие не приходится.

Экономика России на фоне беспрецедентных санкций, связанных с острейшим геополитическим конфликтом вокруг Украины, вынужденно упрощается, уровень её сложности снижается. В такой ситуации применение теории экономической сложности говорит в пользу того, что у российской экономики отсутствуют шансы на устойчивый экономический рост в обозримой перспективе. Доказательная констатация этого важна в целях выбора оптимальной стратегии социально-экономического развития страны в условиях масштабных санкций.

Ключевые слова: стратегия социально-экономического развития, теория экономической сложности, экономический рост, упрощение экономики.

JEL: A11, E02, E61, E65

УДК: 338.22

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_22_34

© И.А. Николаев, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Николаев И.А. Концепция экономической сложности как теоретическая основа выбора экономической стратегии России в условиях масштабных внешних ограничений // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 22–34. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_22_34.

FOR CITATION: Nikolaev I. The Concept of Economic Complexity as a Theoretical Basis for Choosing Russia's Economic Strategy in the Context of Large-scale External Restrictions // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 3. Pp. 22–34. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_22_34.

¹ Мнение части членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

² Статья подготовлена в развитие одного из ключевых тезисов научного доклада «Дуализм экономической стратегии России в условиях внешних ограничений», представленного автором на заседании Учёного совета Института экономики РАН в июне 2023 г.

После 24 февраля 2022 г., когда обострился геополитический конфликт, связанный с событиями в Украине, российская экономика функционирует в стрессовых условиях. Тот факт, что экономические итоги 2022 г. (-2,1% по ВВП)³ оказались значительно лучше, чем это представлялось весной 2022 г. (-8–10% по ВВП)⁴, не должен вводить в заблуждение относительно её перспектив.

Учитывая остроту геополитического конфликта и непримиримость обозначенных противоборствующими сторонами позиций, реалистичная прогнозная оценка должна исходить из того, что кризисная ситуация пока будет развиваться. Скоро она, по-видимому, не разрешится. Это означает, что сильное санкционное давление на российскую экономику также, с большой долей вероятности, сохранится.

Факторы и теория сложности как основа для выбора экономической стратегии

Ещё в 2014 г. законодательно была закреплена необходимость разработки стратегии социально-экономического развития страны⁵. Возникает естественный вопрос: какой должна быть стратегия социально-экономического развития Российской Федерации в данный период? По-хорошему, выбор стратегии должен опираться как на анализ важнейших факторов, влияющих на перспективы развития, так и на теоретическую основу. Пофакторный анализ перспектив экономического развития в сложнейший период санкционных ограничений абсолютно необходим. Однако, даже если его результаты будут убедительно демонстрировать безальтернативность выбора той или иной экономической стратегии, то ответ на вопрос, есть ли у этой стратегии теоретический базис, остаётся очень важным и актуальным.

Необходимость теоретической проработки выбора стратегии социально-экономического развития предопределяется тем, что существует множество факторов, влияющих на экономическую динамику. Их действие может быть подчас разнонаправленным, а сама сила воздействия (влияния) того или иного фактора на экономический рост трудноизмерима. Это не означает, что количественную оценку влияния факторов делать не следует. Делать это необходимо, но не стоит переоценивать точность получаемых результатов.

Чтобы оценить перспективы экономического развития и принять соответствующую стратегию, требуется проанализировать такие факторы экономического роста, как потребительский спрос, инвестиции, экспорт. Если эти факторы относятся к традиционным, то среди новых возможных драйверов экономического роста по праву называют: кредитование малого и среднего бизнеса [Орловский, 2016], политику поддержки конкуренции [Розанова, Комарницкая, 2016; Щербинина, Стефанова, 2016], монетизацию экономики [Черемисинова, 2015], государственно-частное партнёрство [Божаренко, 2012], низкоуглеродное развитие [Луговой, Лайтнер, Поташиников, 2015] и даже неравенство [Косьмина, Косьмина, 2016], а также многое другое (инфраструктуру, инновации, мегапроекты, отдельные отрасли, разнообразные институты и пр.).

³ О производстве и использовании валового внутреннего продукта (ВВП). Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/22_20-02-2023.html (дата обращения: 11.07.2023).

⁴ Среднесрочный прогноз Банка России по итогам заседания Совета директоров по ключевой ставке 29 апреля 2022 года. Банк России. http://www.cbr.ru/collection/collection/file/40964/forecast_220429.pdf (дата обращения: 11.07.2023).

⁵ Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Президент России. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения: 11.07.2023).

Необходимо учитывать, что помимо факторов, которые в той или иной степени можно рассматривать в качестве возможных драйверов, перспективы роста зависят и от того, насколько продолжительным может быть действие санкций, в каком объёме есть необходимые ресурсы (финансы, кадры, технологии и пр.) для противостояния санкционному давлению, будет ли сохраняться высокой неопределённость экономической ситуации, как в целом пока чувствует себя российская экономика, какие настроения у бизнеса и т.д. (подробнее см. [Николаев, 2023]). Но даже если с учётом названного выше станет очевидной та или иная траектория экономического развития, то всё равно важно будет понять, существуют ли теоретические аргументы в пользу этой траектории. Если их нет, то надо быть готовым, что реальное развитие экономической ситуации может в конечном итоге отличаться от того, что на основе факторного анализа могло показаться очевидным. Если такие аргументы есть, то это, безусловно, также не гарантирует верность ожидаемой экономической динамики, но шансы в пользу её достоверности повышаются.

Ситуация, когда стратегия выбирается на основе определяющих её факторов, даже без серьёзного теоретического фундамента, — это ещё удовлетворительная ситуация. В таком случае всё-таки реализуется научный подход, пусть и не в полной мере, без теории. Гораздо чаще стратегии выбираются не экономистами-исследователями, а правящей элитой на основе доминирующих идеологий [Полтерович, 2017]. Именно это в значительной степени предопределяет неудачи как экономического реформаторства, так и развития экономики в целом. Определяясь сегодня в России с теоретической основой выбора экономической стратегии, придётся искать ответ на вопрос, учитывая огромное множество экономических теорий и концепций: какая (-ие) из них может (-гут) стать убедительным аргументом в пользу правильного выбора экономической стратегии в нынешних форс-мажорных условиях?

Среди множества теорий обращает на себя внимание теория экономической сложности (*economic complexity*). Когда сегодня исследователи говорят об этой теории, они не без оснований утверждают, что можно вести речь даже ни много ни мало, как о становлении нового экономического мышления, отражающего трансформацию традиционных иерархических систем в сложные адаптивные системы (*complex adaptive systems — CAS*) [Сморodinская, 2018]. Утверждается, что в ходе экосистемной трансформации национальные экономики приобретают не только новые возможности роста, но и новые стандарты организации и поведения. Развитие идёт за счёт того, что в сетевой среде макроуровневые (агрегированные) структуры связей возникают благодаря взаимодействию агентов и их групп на микро- и мезоуровнях.

Вопросы трансформации традиционных иерархических систем нашли в последние десятилетия отражения в работах многих зарубежных исследователей (см, например, [Williamson, 2005; Schneider, 2012; Martin, Sunley, 2007] и др.). Внимательное отношение к ним, развитие собственных идей отличает и работы отечественных учёных [Кирдина-Чэндлер, 2017а; Кирлина-Чэндлер, 2017б; Смородинская, 2018; Дементьев, Евсюков, Устюжанина, 2017; Катюков, 2014; Любимов, Лысюк, Гвоздева, 2018; Волошенко, Дрок, Фарафонова, 2019].

Получает развитие такое направление исследований, как институциональная сложность [Тамбовцев, 2023]. В. Тамбовцев, казалось бы, только ставит вопрос о том, является ли институциональная сложность новым направлением изучения институтов, но, по моему, на самом деле он волне утвердительно сам же и отвечает на него⁶.

⁶ С этим утверждением автора трудно согласиться: «Возвращаясь к вопросу, вынесенному в заголовок этой статьи, можно, как показывает проведённый анализ, дать следующий непolitкорректный ответ на него: за понятием “институциональной сложности” скрывается удобство его использования при написании статей, не содержащих нового научного знания. Неопределённость этого понятия даёт самые широкие возможности его использования в меняющемся и ускользающем смысле, на основе чего автор может неограниченно долго рассуждать о нём, не делая попыток строго обосновать свои утверждения» — Тамбовцев В.Л. Институциональная сложность: новое направление изучения институтов? // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 2. С. 31. — Прим. ред.

Что касается прикладного использования теории сложности применительно к определению стратегии социально-экономического развития России на современном этапе, когда экономика страны находится под сильнейшим санкционным давлением, то в этом случае необходимо обратить внимание на идеи экономистов Р. Хаусмана и Ц. Идальго [Hausmann, Hidalgo, 2009; Hausmann, Hidalgo, 2023]. Суть их интерпретации (развития) теории состоит в утверждении, что если те или иные страны обладают значительными производственными знаниями (технологиями, ноу-хау и пр.), то они имеют лучшие перспективы для наращивания диверсифицированного экспорта своей продукции. Это открывает путь для ускоренного экономического развития, так как такую основу для экспорта можно рассматривать как важное конкурентное преимущество. Для того чтобы оценить, насколько значительными производственными знаниями обладают те или иные страны, предлагается анализировать экспортные корзины стран с целью выявления продукции, у которой у них есть сравнительные преимущества на международных рынках. Так как экспортируемая продукция различается с точки зрения необходимых для её производства возможностей (в том числе необходимых ингредиентов), это даёт представление о потенциальных экспортных возможностях страны и, следовательно, о перспективах экономического развития.

Получается, что уровень и качество диверсификации экспорта отражает как степень экономического развития страны, так и перспективы этого развития. Тем самым фактически предложен подход к измерению сложности экономики. Можно соглашаться или нет с тем, следует ли оценивать сложность экономики, выводя соответствующие коэффициенты на основе анализа экспортных корзин, а заодно заниматься построением атласов экономической сложности. Однако такой подход означает переход от чисто теоретической экономики к её практической составляющей.

Очень важно, что как только сложность экономики стала оцениваться через использование показателей-измерителей, так сразу актуализировалось и интенсифицировалось изучение вопроса о взаимосвязи сложности экономики и темпов ее роста [Hausmann, Hidalgo, Bustos, Coscia, Chung, Jimenez, Simoes, Yildirim, 2014; Никонов, Воинов, 2018; Vinci, Benzi, 2018; Gala, Rocha, Magacho, 2018; Sbardella, Pugliese, Zaccaria, Scaramozzino, 2018].

Имея «под рукой» показатели сложности экономики, нетрудно заметить, что между ними и показателями экономического роста существует явная взаимосвязь. Выявление такой взаимосвязи открывает перспективы для более точного прогнозирования макроэкономической динамики. Такие возможности существуют уже сегодня, хотя пока они явно недооцениваются. Учитывая, что проблема измерения сложности экономики ещё только разрабатывается, а потенциал такой разработки остаётся высоким, можно утверждать, что перспективы макроэкономического прогнозирования благодаря теории сложности явно улучшились.

Перспективность оценок через экспорт подтверждается результатами целого ряда работ, в которых освещается вопрос влияния роста экспорта на производительность труда и совокупную производительность. Следует выделить соответствующую работу ОЭСР, в которой взаимосвязь экспорта и производительности анализируются на примере опыта Латвии и Эстонии [Benkovskis, Masso, Tkacevs, Vahter, Yashiro, 2017]. В работе рассматриваются данные по компаниям в разрезе по отраслям. Опыт Латвии рассмотрен на основе анализа данных за 2006–2014 гг., Эстонии — за 2005–2014 гг. Не анализировались данные компаний, представляющих следующие отрасли: добыча полезных ископаемых, сельское хозяйство, производство и распределение электроэнергии и воды, государственные услуги. В анализ включалось от 40 тыс. до 70 тыс. предприятий Латвии ежегодно и до 100 тыс. предприятий по Эстонии. Специфика компаний этих стран такова, что более 80% выборки составили малые предприятия с численностью работников до 10 человек, причём их число увеличивалось со временем: 2014 г. — 88% в Латвии, 93,8% в Эстонии. Доля компаний-экспортёров составляла всего 6-8% в Латвии и 12% в Эстонии от числа компаний,

при этом компании-экспортёры были крупнее, на их долю приходилось более 30% занятых в течение всего исследуемого периода и в последние годы порядка 55% оборота в обеих странах. Рассматривалось влияние выхода компаний на экспортный рынок на динамику производительности труда. Авторы исследования пришли к выводу, что выход компаний на экспортный рынок существенно повышает производительность труда. В год выхода на экспортный рынок производительность труда в Латвии в среднем прирастала на 23% и на третий год — на 20%, в Эстонии, соответственно, на 14 и 13,5%.

Прирост производительности труда при выходе на экспортный рынок является следствием большой работы внутри компаний, повышения эффективности их организационных, технологических, производственных процессов и т.д. Всё это требуется для выхода на внешний рынок. Желание стать экспортёром побуждает компании применять наиболее продвинутые практики, активно повышать собственную эффективность. Среди экспортёров высока доля компаний, внедряющих самые разнообразные инновации. Все экспортёры-инноваторы совершенствовали производственный процесс, большинство занимались организационными изменениями. Экспортёры товаров промежуточного потребления также реализовывали маркетинговые инновации, экспортёры услуг — продуктовые инновации. Опираясь на результаты данных исследований, можно сделать вывод, что выход на экспортные рынки, расширение присутствия на них неминуемо усложняет и деятельность компаний, и функционирование экономики в целом. Получается, что повышение сложности экономики является естественным следствием работы по завоеванию новых экспортных рынков.

Следует выделить и работу британского Центра экономической продуктивности [Steinwender, 2015]. К. Штайнвендер рассмотрела данные 4000 компаний Испании с 1993–2007 гг. Исследование показало, что увеличение экспорта компаний на 10% в среднем приводит к росту уровня производительности труда на 1,1%. Также заслуживающим внимание результатом стал вывод о том, что рост производительности у экспортёров наблюдается только в случае, если компании и до наращивания экспорта были высокопроизводительными. Это достаточно интересное наблюдение, которое находится в некотором противоречии с результатами других, в том числе приведённых выше исследований. Что касается импорта, то здесь связь слабее, но тем не менее автор делает вывод, что компаниям с низким уровнем технического оснащения удаётся повысить производительность в ответ на усиление конкуренции со стороны импорта. Отмечается, что сложно выделить эффект от импорта и экспорта отдельно, так как многие компании одновременно и импортируют, и экспортируют. Автор также отмечает, что всё увеличение производительности наблюдалось ввиду роста НИОКР, числа патентов, инноваций. Выход на экспортный рынок также содействовал адаптации к международным технологиям.

О повышении производительности при выходе на экспортный рынок пишет и Й. Шварцер [Schwarzer, 2017]. Он также отмечает, что будущие экспортёры демонстрируют более высокий уровень производительности труда по сравнению с компаниями, которые не ставят себе задачи по завоеванию экспортных рынков. На основании рассмотрения опыта около 14 тыс. западноевропейских компаний за 1993–2014 гг. даётся такая оценка: премия за выход на экспортный рынок обычно составляет около 35% прироста уровня производительности труда. Й. Шварцер на основе регрессионной модели премию за выход на экспортный рынок среди немецких компаний оценивает в 38%. Компании обучаются на своём опыте выхода на экспортные рынки, что оказывает ещё больший эффект и на повышение производительности труда, и на рост основных экономических показателей. Прирост производительности труда после выхода на экспортные рынки выше для компаний сектора промышленного производства по сравнению с компаниями сектора услуг. Точнее, он дольше наблюдается, в то время как для компаний сферы услуг соответствующий эффект в среднем длится два года.

Результаты рассмотренных исследовательских работ убедительно показывают, что общая экономическая динамика в значительной мере определяется тем, насколько широко и эффективно реализуются возможности экспорта. Экспорт не сам по себе автоматически даёт весомую прибавку добавленной стоимости. Чтобы выйти на экспортные рынки, требуется повышать производительность труда, а это приводит к усложнению производства через внедрение новых технологий и использование всё более новой и современной техники. «Технологический» фактор позволяет в целях повышения конкурентоспособности экспортируемой продукции или удешевлять её производство, или производить продукцию с новыми потребительскими характеристиками. Именно для этого требуется внедрять новые, всё более современные технологии, отличающиеся повышенной сложностью. Развитие экономики происходит через её усложнение.

Применение теории экономической сложности в прикладном плане не только показало её работоспособность, но и дало основания, по мнению автора, утверждать, что экономическую сложность необходимо рассматривать в более широком контексте. Экономическая сложность — это не только накопленные производственные знания, это не только технологии, это и накопленные знания по всем факторам производства.

Реальность состоит в том, что экономика развивается через усложнение. Совершенствуются не только производственные технологии, но и технологии управления и пр. Так происходит потому, что именно через усложнение можно получить определённые конкурентные преимущества, производить продукцию или оказывать услуги с большей добавленной стоимостью, сделать следующий шаг в своём развитии. Если процесс усложнения останавливается, тем более, если он обращается вспять, развития не происходит, наступает застой, примитивизация или даже деградация.

Фактически на этот же принципиальный момент обращает внимание и Х. Виссема [Виссема, 2000], утверждая, что в настоящее время, если необходимо усилить конкурентоспособное положение на международном уровне, проблему можно решить путём увеличения добавленной стоимости. А вот наиболее действенным способом в этом случае является «наполнение» продуктов и методов производства знаниями. Остаётся добавить: «наполнение» знаниями — это как раз и есть повышение сложности экономики⁷.

Снижение сложности российской экономики

Реалии современной экономики таковы, что к её усложнению подталкивает усиливающаяся конкуренция. Именно конкуренция, как и выход на экспортные рынки (хотя разделение провести здесь достаточно сложно, так как выход на экспортные рынки — это и одновременное усиление конкуренции), заставляет производителей повышать конкурентоспособность своей продукции через её усложнение, наделяя её новыми потребительскими характеристиками или удешевляя через совершенствование технологических процессов изготовления.

Если по тем или иным причинам конкуренция ослабевает, то теряются важнейшие стимулы, благодаря которым возрастает сложность экономики. Подсанкционная эконо-

⁷ Таким образом, экономическая сложность фактически определяется через диверсификацию экспорта национальной экономики. При этом, однако, следует обратить внимание на то обстоятельство, что в ряде богатых стран добавленная стоимость обрабатывающей промышленности, на примерах которой строит свою аргументацию автор, занимает лишь 9–12% ВВП. Стоит отметить также, что включение тех или иных стран в зону свободной торговли существенно повышает объёмы экспорта и импорта. Последнее распространяется даже на страны бывшей Советской Прибалтики, переживающие деиндустриализацию и депопуляцию. Вряд ли, однако, эти процессы следует отождествлять с «наполнением экономики знаниями» — *Прим. ред.*

мика России отличается тем, что уровень конкуренции в ней снижается. Конкуренция ослабевает по ряду причин.

Во-первых, снижение уровня конкуренции связано с уходом иностранных компаний из России. Точной официальной статистики здесь нет. Экспертные оценки сводятся к тому, что с весны 2022 г. ушли с российского рынка сотни иностранных компаний, включая многие мировые бренды. Таким образом, негативное влияние на конкуренцию существует.

Однако ФАС России придерживается иного мнения⁸. Служба признает, что добровольный уход отдельных иностранных участников повлиял на состояние конкуренции на отдельных товарных рынках в России. В результате этого произошло перераспределение долей участников на рынке. В то же время ФАС оценивает, что около 75% иностранных компаний продолжили свой бизнес в России. В целом ФАС не считает, что уход иностранных компаний из России имел негативные последствия. Объясняет Служба свою позицию тем, что за право приобрести активы уходящих компаний шла серьёзная конкурентная борьба. Кроме того, в результате ухода с рынка крупных иностранных игроков для отдельных секторов экономики России, например рынка информационных технологий, вообще предоставилась возможность активного развития.

Тем не менее, даже если согласиться с тем, что уход иностранных компаний из России не имел для отечественной экономики негативных последствий, встаёт вопрос, как такое может быть, если одновременно официально признаётся, что 25% иностранных компаний всё-таки прекратили свою деятельность в России.

Во-вторых, конкуренция снижается и из-за того, что государство, учитывая специфику и глубину нынешнего геополитического конфликта, а также непростую экономическую ситуацию, выстраивает систему защиты и разного рода преференций для отечественных производителей, прежде всего государственных. Это нормальная и естественная реакция государства в тяжёлый для экономики период, для чего у государства есть, к примеру, такой инструмент, как госконтракты. Но одновременно практически неизбежным следствием такой поддержки является снижение уровня конкуренции в экономике. В качестве примера того, какие меры были предприняты Правительством Российской Федерации в 2022-2023 гг., следует назвать:

- повышенные авансы по госконтрактам⁹;
- изменение цены госконтракта в связи с ростом стоимости ресурсов¹⁰;
- сокращение срока оплаты по договорам с госкомпаниями и госкорпорациями¹¹ и др.

Эти меры поддержки экономики сыграли позитивную роль, особенно в начальный период после февраля 2022 г., который можно охарактеризовать как шоковый. Но одновременно эти же меры вынужденно снизили уровень конкуренции в экономике, что оказало негативное влияние на уровень её сложности.

⁸ Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2022 год. Федеральная антимонопольная служба. <https://fas.gov.ru/documents/689041> (дата обращения: 08.07.2023).

⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. № 505 «О приостановлении действия отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации и установлении размеров авансовых платежей при заключении государственных (муниципальных) контрактов в 2022 году». Правительство России. <http://static.government.ru/media/files/AMQgg4wJXACAYmZVnMDL7NTj1NlAjYt.pdf> (дата обращения: 08.07.2023).

¹⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 23 марта 2022 г. № 439. «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». Правительство России. <http://static.government.ru/media/files/IO1L436m0W0AYfrArOAht3qAYDoVuiBj.pdf> (дата обращения: 08.07.2023).

¹¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 21 марта 2022 г. № 417. «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Правительство России. <http://static.government.ru/media/files/ejZnaIAoQ0xQoL9vuBg5Vw34IdZA2KlB.pdf> (дата обращения: 08.07.2023).

В условиях беспрецедентных санкций, обрушившихся на российскую экономику, процесс её усложнения объективно, как минимум, затормозился. Торможение усложнения в таких условиях естественно. Технологические санкции влияют на сложность самым негативным образом. Уход с российского рынка мировых компаний, одновременно являющихся и технологическими лидерами в своих областях, также имеет негативные последствия.

В условиях ухудшившейся экономической ситуации, обострившихся проблем с импортными комплектующими и материалами, предприятия вынуждены упрощать выпускаемую продукцию (яркий пример — отечественный автопром). Когда решается вопрос, выпускать ли более простую, технически менее сложную продукцию или не выпускать вообще никакую, пытаясь решить в конечном итоге проблемы с импортными комплектующими и пр., рациональность выбора состоит в том, чтобы пойти по первому пути. Так, как правило, и поступают. Одновременно это свидетельствует и об упрощении производства, о снижении сложности экономики. В таком случае экономика не может рассчитывать на высокие темпы экономического роста¹².

Такое рациональное поведение не означает, что процесс снижения сложности экономики начинает идти линейно и только в одну сторону. Возможны и позитивные откаты. Так, как правило, и происходит. Если вновь взять в качестве примера уже упомянутый отечественный автопром, то спустя почти полтора года после февраля 2022 г., т.е. к середине 2023 г., в России стали производить свои антиблокировочные системы (ABS), но, конечно, ещё потребуется определённое время, чтобы все технологические процессы были полностью отлажены.

Правительство не только принимает меры, которые сказываются на общем уровне конкуренции и тем самым «подталкивают» к «упрощению» экономики. Оно также принимает и прямо «упрощающие» решения. Это также направлено на обеспечение устойчивости функционирования экономики. После февраля 2022 г. Правительством Российской Федерации был принят целый ряд необходимых в этом плане решений. К примеру, упрощение затронуло:

- госэкспертизу в строительстве¹³;
- ввоз в Россию электронных устройств и оборудования¹⁴;
- порядок регистрации автомобилей¹⁵;

¹² Стоит напомнить об экономической блокаде СССР, которая была объявлена странами Антанты (и присоединившейся к ним Германией). Безусловно, после мировой и гражданской войн экономика Советской России значительно упростилась. Что, однако, не помешало впоследствии добиться её значительного усложнения и быстрого роста. Это произошло, несмотря на все ошибки большевистского руководства и условия внешней торговли, которые были намного хуже, чем те, в которых оказались власти постсоветской России после 24.02.2022 — *Прим. ред.*

¹³ Постановление Правительства Российской Федерации от 04.04.2022 № 579 «Об установлении особенностей внесения изменений в проектную документацию и (или) результаты инженерных изысканий, получившие положительное заключение государственной экспертизы, в том числе в связи с заменой строительных ресурсов на аналоги, особенностей и случаев проведения государственной экспертизы проектной документации». Официальное опубликование правовых актов. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204060020> (дата обращения: 08.07.2023).

¹⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 09.05.2022 № 834 «Об установлении особенностей ввоза в Российскую Федерацию шифровальных (криптографических) средств и товаров, их содержащих». Официальное опубликование правовых актов. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205160011> (дата обращения: 08.07.2023).

¹⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 15.07.2022 № 1269 «О внесении изменений в Правила применения обязательных требований в отношении отдельных колесных транспортных средств и проведения оценки их соответствия». Официальное опубликование правовых актов. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207180029> (дата обращения: 08.07.2023).

- подтверждение страны происхождения товаров¹⁶;
- схему получения и переоформления лицензий и разрешений¹⁷ и т.д.¹⁸.

Что касается госэкспертизы в строительстве, то суть данного упрощения (пока такой порядок установлен до конца 2023 г.) состоит в том, что для начала строительства и его окончания застройщику не требуется предоставлять органам строительного надзора градостроительный план земельного участка и ряд других документов. Введены также и другие упрощающие процедуры в строительстве.

Упрощение ввоза в Россию электронных устройств и оборудования касается оформления нотификации (документа, который требуется для всех электронных устройств, поддерживающих криптографические возможности или шифрование: смартфоны, планшеты, ноутбуки, компьютеры, микросхемы, рации).

Что касается упрощения действующего порядка регистрации автомобилей, то главное новшество заключается в том, что было отменено одно из обязательных требований к техническому оснащению автомобилей — теперь эксплуатация автомобиля возможна без устройств вызова экстренных служб «ЭРА-ГЛОНАСС».

Решение об упрощении процедуры документального подтверждения товаров, ввозимых из развивающихся и из наименее развитых стран, было принято Советом Евразийской экономической комиссии. Появилась возможность использовать для получения тарифных преференций копии сертификатов о происхождении товаров.

Переоформление лицензий и разрешений стало возможным по упрощенной схеме. Кроме того, срок действия лицензий и других видов разрешительных документов был автоматически продлён ещё на один год.

Эти и другие меры Правительства Российской Федерации, направленные на снижение административной нагрузки в экономике, являются, безусловно, необходимыми. Они направлены на поддержание предпринимательской активности в сложный для экономики период. Однако одновременно принятие этих решений свидетельствует об упрощении экономики. То есть получается, с одной стороны, что эти меры, как отмечалось, направлены на поддержание предпринимательской активности, а с другой — «упрощая» экономику, они препятствуют её ускоренному развитию в перспективе. Конкурентоспособность товаров, конкурентоспособность экономики в целом, а следовательно, и шансы на ускоренное развитие экономики снижаются при принятии «упрощающих» решений.

Инициативы правительства дополняются предложениями «с мест». Так, Союз производителей нефтегазового оборудования предложил приостановить действие международных технических стандартов (ISO) на территории Российской Федерации¹⁹. Вероятность, что такая инициатива может быть поддержана Правительством Российской Федерации, достаточно высока. Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Д.В. Мантуров ещё летом 2022 г. указывал, что сложившаяся экономическая ситуация заставила вернуться к вопросу о необходимости создания отечественной системы стандар-

¹⁶ Решение Совета Евразийской экономической комиссии №33 от 17 марта 2022 г. «О внесении изменений в Правила определения происхождения товаров из развивающихся и наименее развитых стран». Евразийский экономический союз. Правовой портал. https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01431475/err_18032022_33 (дата обращения: 08.07.2023).

¹⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 12.03.2022 № 353 «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации в 2022 году». Официальное опубликование правовых актов. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203140039> (дата обращения: 08.07.2023).

¹⁸ Перечисленные автором правовые акты никак не связаны с диверсификацией экспорта, что противоречит ранее введённому критерию экономической сложности. Вероятно, их можно оценить как «институциональные упрощения», направленные на сокращение транзакционных издержек экономических агентов. В соответствии с экономическим мейнстримом, однако, такое упрощение будет способствовать росту национальной экономики, а не наоборот — *Прим. ред.*

¹⁹ Денис Мантуров: тотального отказа от принципов рыночной экономики не будет. Интерфакс <https://www.interfax.ru/russia/856544> (дата обращения: 08.07.2023).

тизации и сертификации²⁰. Обосновывается это тем, что проблема использования в реализуемых в России проектах иностранных стандартов раньше была обусловлена участием в этих проектах иностранных лицензиаров и подрядчиков. Именно поэтому, как утверждается, российские производители для участия в тендерах были вынуждены получать сертификаты соответствия иностранным стандартам²¹.

Получается, что применение иностранных стандартов российским компаниям необходимо было по формальным основаниям. На самом деле, вряд ли только этим и ограничивались стимулы по использованию международных стандартов, уровень которых был и остаётся, безусловно, высоким. Их применение позволило не только поддерживать, но и повышать технологический уровень отечественного производства. Отказ от их применения неминуемо негативно скажется на уровне производства. Но это в сложившихся сегодня условиях будет тем упрощением производства, на которое лучше вынужденно пойти, чем поставить под вопрос сами перспективы производственной деятельности.

С точки зрения снижения сложности российской экономики показательно то, как меняются приоритеты и география международного сотрудничества наших крупнейших госкорпораций, таких как «Росатом» и «Роскосмос». Так, на Петербургском международном экономическом форуме, состоявшемся в июне 2023 г., «Росатом» подписал с Мьянмой меморандум о строительстве ветропарков на 172 и 200 МВт²². Пока речь идёт только о начале технико-экономических предпроектных работ в сфере строительства ветроэнергетических станций. «Роскосмос», в свою очередь, достиг в конце 2022 г. договоренности с Зимбабве о сотрудничестве в области создания и запуска малых космических аппаратов²³. Летом 2023 г. состоялась встреча руководства госкорпорации «Роскосмос» с представителями Конго для обсуждения перспектив сотрудничества в области исследования и использования космического пространства в мирных целях²⁴.

Вряд ли случайно такое изменение географии в области международного сотрудничества российских госкорпораций. Это в значительной степени вынужденная переориентация. Однако это и своего рода упрощение, снижение сложности в соответствующих научно-производственных областях. Следует признать, что, когда сужается, а то и вовсе по каким-либо направлениям прекращается сотрудничество с рядом передовых научно-технологических стран, лучше использовать и такие возможности расширения географии сотрудничества. Поэтому отечественные госкорпорации действуют рационально, а значит, в нынешних условиях правильно. Однако это не отменяет констатации, что сложность российской экономики, если смотреть и через эту призму, в целом снижается²⁵.

Есть и другие убедительные доказательства снижения сложности российской экономики на фоне санкционного давления. Например, логично было бы предположить, что в такой период должен возрасти спрос на неквалифицированный труд. Соответствующая статистика подтверждает верность данного предположения. Одновременно спрос на квалифицированных работников (прежде всего, рабочих специальностей) должен снижаться.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² «Росатом» подписал с Мьянмой меморандум по строительству ветропарков. РИА Новости. <https://ria.ru/20230615/myanma-1878259170.html> (дата обращения: 08.07.2023).

²³ «Роскосмос» будет сотрудничать с Зимбабве в вопросах создания и запуска малых спутников. ТАСС. <https://tass.ru/kosmos/16743029> (дата обращения: 08.07.2023).

²⁴ «Роскосмос» и Географический институт Демократической Республики Конго обсудили вопросы двустороннего сотрудничества. РОСКОСМОС. <https://www.roskosmos.ru/39360/> (дата обращения: 08.07.2023).

²⁵ Конечно, автора заботит прежде всего проблема снижения сложности отечественной экономики. Но всё же, представляется, ему стоило бы также заметить, что и страны, прекратившие в силу тех же геополитических причин сотрудничество с «Росатомом» и «Роскосмосом», резко снизили свой уровень конкурентности и сложности, что должно привести к падению темпов их экономического роста. — *Прим. ред.*

Реальность (по данным выборочных обследований Росстата) свидетельствует, что именно такие тенденции и наблюдаются в Российской экономике.

Предварительно необходимо отметить, что формальный рост в 2021–2022 гг. численности специалистов высшей квалификации не должен вводить в заблуждение. Хотя численность таких специалистов увеличилась, по данным Росстата, с 18 774 тыс. до 19 268 тыс. человек, т.е. на 494 тыс. человек (на 2,6%), достигнуто это, прежде всего, за счёт роста численности специалистов в области здравоохранения²⁶. На фоне борьбы с пандемией COVID-19 численность специалистов высшей квалификации в здравоохранении только за один год выросла с 1 590 тыс. до 1 858 тыс. человек, т.е. на 268 тыс. человек (на 16,9%).

В 2022 г., по сравнению с 2021 г., численность квалифицированных рабочих промышленности, строительства, транспорта и рабочих родственных занятий снизилась с 9 549 тыс. до 8 889 тыс. человек (на 6,9%). В то же время численность неквалифицированных рабочих возросла с 5 565 тыс. человек до 5 623 тыс. человек (на 1%)²⁷. Получается, что только за один 2022 г. численность квалифицированных рабочих заметно снизилась при одновременном росте численности неквалифицированных рабочих. Это также свидетельствует об упрощении экономики.

Таким образом, концепция экономической сложности, широкая трактовка которой тесно увязывает развитие экономики через её усложнение, получает свое подтверждение при анализе происходящего сегодня в российской экономике. Она вынужденно упрощается, и это делает невозможным её ускоренное развитие в обозримой перспективе.

Данная констатация важна при выборе стратегии социально-экономического развития России в условиях масштабного санкционного давления. Экономическая наука, возможно, и не смогла до сих пор предложить общую и убедительную методологию проектирования стратегии [Полтерович, 2017], но на кое-что важное, к чему стоит прислушаться, она все-таки может обратить внимание.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Божаренко О.Ю. (2012). Государственно-частное партнёрство как драйвер экономического роста [Bozharenko O.Yu. (2012). Public-private partnership as a driver of economic growth] // *Terra Economicus*. Т. 10. №1. С.26-29.
- Виссема Х. (2000). *Стратегический менеджмент и предпринимательство: возможности для будущего процветания* [Wissema H. (2000). Strategic management and entrepreneurship: opportunities for future prosperity]. — М. Издательство «Финпресс».
- Волошенко К.Ю., Дрок Т.Е., Фарафонова Ю.Ю. (2019). Экономическая сложность на субнациональном уровне — инновационная парадигма регионального развития [Voloshenko K.Yu., Drok T.E., Farafonova Yu.Yu. (2019). Economic complexity at the subnational level is an innovative paradigm for regional development] // *Вопросы инновационной экономики*. Т. 9. № 3. С. 735–752. DOI: 10.18334/vines.9.3.40822.
- Дементьев В.Е., Евсюков С.Г., Устюжанина Е.В. (2017). Гибридные формы организации бизнеса: к вопросу об анализе межфирменных взаимодействий [Dementiev V.E., Evsyukov S.G., Ustyuzhanina E.V. (2017). Hybrid forms of business organization: to the question of the analysis of interfirm interactions] // *Российский журнал менеджмента*. Т. 15. № 1. С. 89–122. DOI: 10.21638/11701/spbu18.2017.105.
- Катуков Д.Д. (2014). Кластерная инициатива как особый экономический проект: европейская и российская практика [Katukov D.D. (2014). Cluster initiative as a special economic project: European and Russian practice] // *Инновации*. Т. 189. № 7. С. 47–52.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2017а). *Мезоуровень: новый взгляд на экономику?: Научный доклад* [Kirdina-Chandler S.G. (2017a). Mesolevel: a new look at the economy? Scientific report]. — М.: Институт экономики РАН.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2017б). Эволюция социально-экономических систем на мезоуровне: пределы многообразия [Kirdina-Chandler S.G. (2017b). Evolution of socio-economic systems at the mesolevel: the limits

²⁶ Занятое население в возрасте 15 лет и старше по полу и группам занятий на основной работе в 2017–2022 гг. (в соответствии с ОКЗ ОК 010-2014). Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 08.07.2023).

²⁷ Там же.

- of diversity] // *Очерки по экономической синергетике*. — М.: ИЭ РАН, МРОО Центр эволюционной экономики. С. 47–67.
- Косьмин А.Д., Космина Е.А. (2016). О виртуальном драйвере экономического роста (или о гармонизации неравенства) [Kosmin A.D., Kosmina E.A. (2016). On the virtual driver of economic growth (or on the harmonization of inequality)] // *Российское предпринимательство*. Т. 17. №9. С.1119–1144. DOI: 10.18334/rp.17.9.35184.
- Луговой О.В., Лайтнер Д., Поташников В.Ю. (2015). Низкоуглеродное развитие как драйвер экономического роста [Lugovoi O.V., Lightner D., Potashnikov V.Yu. (2015). Low-carbon development as a driver of economic growth] // *Российское предпринимательство*. №16 (23). С. 4221–4228. DOI: 10.18334/rp.16.23.2159.
- Любимов И.Л., Лысюк М.В., Гвоздева М.А. (2018). Атлас экономической сложности российских регионов [Lyubimov I.L., Lysyuk M.V., Gvozdeva M.A. Atlas of the economic complexity of Russian regions] // *Вопросы экономики*. № 6. С. 71–91. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-6-71-91.
- Николаев И.А. (2023). Драйверы экономического роста: возможности и перспективы их использования в подсанкционной экономике России [Nikolaev I.A. (2023). Drivers of economics growth: opportunities and prospects in the sub-sanctioned economy of Russia]. // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 1. С. 59–74. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_58_74.
- Никонов И.В., Вотинов А.И. (2018). Анализ перспектив развития экономики Армении с применением теории экономической сложности [Nikonov I.V., Votinov A.I. (2018). Analysis of the prospects for the development of the Armenian economy using the theory of economic complexity] // *Математические методы экономики*. №4. С. 121–131. DOI: 10.31107/2075-1990-2018-4-121-131.
- Орловский К.А. (2016). Кредитование малого и среднего бизнеса как драйвер экономического роста России в современных условиях [Orlovsky K.A. (2016). Lending to small and medium-sized businesses as a driver of Russia's economic growth in modern conditions] // *Таврический научный обозреватель*. №11. С. 169–173.
- Полтерович В.М. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология [Polterovich V.M. (2017). Development of strategies for socio-economic development: science VS ideology] // *Вопросы теоретической экономики*. №1. С. 55–65.
- Розанова Н.М., Комарницкая А.Н. (2016). Политика поддержки конкуренции как драйвер экономического роста [Rozanova N.M., Komarnitskaya A.N. (2016). Competition support policy as a driver of economic growth] // *Вопросы регулирования экономики*. Т. 7. №1. С. 19–33.
- Смородинская Н.В. (2018). Структурные особенности и механизмы развития экономических систем с позиций теории сложности: мезоуровень или мезосостояние? [Smorodinskaya N.V. (2018). Structural features and mechanisms of development of economic systems from the standpoint of complexity theory: meso-level or meso-state?] // *Мезоэкономика: состояние и перспективы* / Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чендлер, М.А. Дерябиной. — М.: ИЭ РАН, 2018. С. 107–130.
- Тамбовцев В.Л. (2023). Институциональная сложность: новое направление изучения институтов? [Tambovtsev V.L. (2023). Institutional Complexity: A New Direction for the Study of Institutions?] // *Вопросы теоретической экономики*. №2. С. 22–34. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_22_34.
- Черемисинова Д.В. (2015). Монетизация экономики как драйвер экономического роста [Cheremisinova D.V. (2015). Monetization of the economy as a driver of economic growth] // *ECONOMICS*. 2015. №6 (7). С. 33–38.
- Щербинина М.Ю., Стефанова Н.А. (2016). Конкуренция как драйвер экономического роста [Shcherbinina M.Yu., Stefanova N.A. (2016). Competition as a driver of economic growth] // *Современные научные исследования и инновации*. № 6. <https://web.snauka.ru/issues/2016/06/69360> (дата обращения: 16.01.2023).
- Benkovskis K., Masso J., Tkacevs O., Vahter P., Yashiro N. (2017). Export and productivity in global value chains: Comparative evidence from Latvia and Estonia // *OECD Economics Department Working Papers №1448*. OECD Publishing Paris. 2017. DOI: 10.1787/cd5710c4-en (date of the application 03.07.2023).
- Gala P., Rocha I., Magacho G. (2018). The structuralist revenge: Economic complexity as an important dimension to evaluate growth and development // *Brazilian Journal of Political Economy*. Vol. 38. No. 2. Pp. 219–236. DOI: 10.1590/0101-31572018v38n02a01.
- Hausmann R., Hidalgo C. A. (2023). Country diversification, product ubiquity, and economic divergence // *FR Working Paper Series 10-045*. Harvard Kennedy School. [Электронный ресурс]. URL: <https://growthlab.cid.harvard.edu/files/growthlab/files/201.pdf> (дата обращения: 13.06.2023).
- Hausmann R., Hidalgo C.A., Bustos S., Coscia M., Chung S., Jimenez J., Simoes A. J.G., Yildirim M.A. (2014). *The Atlas of Economic Complexity*. — Cambridge, MA: Puritan Press.
- Hidalgo C. A., Hausmann R. (2009). The building blocks of economic complexity // *PNAS*. 106 (26). Pp. 10570–10575. DOI:10.1073/pnas.0900943106.
- Martin R., Sunley P. (2007). Complexity Thinking and Evolutionary Economic Geography // *Journal of Economic Geography*. Vol. 7. No. 5. Pp. 573–601. DOI:10.1093/jeg/lbm019.
- Sbardella A., Pugliese E., Zaccaria A., Scaramozzino P. (2018). The role of complex analysis in modelling economic growth // *Entropy*. Vol. 20. No. 11. Article 883. DOI:10.3390/e20110883.
- Schneider V. (2012). Governance and Complexity // *The Oxford Handbook of Governance* / D. Levi-Faur (ed.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 129–142. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199560530.013.0009.

- Schwarzer J. (2017). The Effects of Exporting on Labour Productivity: Evidence from German Firms // *Working Papers 1702, Council on Economic Policies*. URL: <https://ideas.repec.org/p/ceq/wpaper/1702.html> (date of the application 03.07.2023).
- Steinwender C. (2015). The roles of import competition and export opportunities for technical change // *CEP discussion paper dp 1334, Centre for Economic Performance, LSE, London, UK*. <https://ideas.repec.org/p/cep/cepdp/dp1334.html> (date of the application 03.02.2023).
- Vinci G.V., Benzi R. (2018). Economic complexity: Correlations between gross domestic product and fitness // *Entropy*. Vol. 20. No. 10. Article 766. DOI:10.3390/e20100766.
- Williamson O.E. (2005). Networks — Organizational Solutions to Future Challenges // *Economics of Interfirm Networks* / T. Theurl (ed.). — Tübingen: Mohr Siebeck. Pp. 3–27.

Николаев Игорь Алексеевич

Nikolaev1806@mail.ru

Igor Nikolaev

Dr. Sciences (Econ.), Chief Researcher of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Nikolaev1806@mail.ru

THE CONCEPT OF ECONOMIC COMPLEXITY AS A THEORETICAL BASIS FOR CHOOSING RUSSIA'S ECONOMIC STRATEGY IN THE CONTEXT OF LARGE-SCALE EXTERNAL RESTRICTIONS

Abstract. Russia currently lacks an approved socio-economic strategy. This strategy needs to be developed. Therefore, the question of what could become a theoretical basis for developing a strategy is relevant. As a theoretical basis for the strategy of socio-economic development of the country, the article proposes to use the concept of economic complexity. In recent decades, this theory has become really popular in research environments around the world. However, the versatility of the relevant work still does not fully reflect the fact that even linking the dynamics of the complexity of the economy with the prospects for economic growth, scientists do not try enough to project this onto the problem of developing economic strategies.

An assessment of what is happening with the complexity of the economy, what processes are observed in it and what are the prospects, allows us to more reasonably formulate a strategy for socio-economic development. If the national economy becomes more complex, which is in the trend of the development of the modern economy, then such an economy has a chance for dynamic economic development. If, on the contrary, the complication of the economy slows down, stops, or even goes back at all, one cannot count on rapid development.

Against the backdrop of unprecedented sanctions associated with the most acute geopolitical conflict around Ukraine, the Russian economy is forced to simplify, its level of complexity is reduced. In such a situation, the application of the theory of economic complexity speaks in favor of the fact that the Russian economy has no chances for sustainable economic growth in the foreseeable future. Evidence of this is important in order to choose the optimal strategy for the socio-economic development of the country in the context of large-scale sanctions.

Keywords: *socio-economic development strategy, economic complexity theory, economic growth, economic simplification.*

JEL: A11, E02, E61, E65.